

сильный отпечаток в памяти Анны Степановны оставили сами пережитые события и вызванные ими психологические реакции, которые переданы в источнике с высокой степенью достоверности.

1. Киташева, А. С. Из моих воспоминаний. 20.02.1967. Рукопись на 20 л. / А. С. Киташева // Личный архив Н. И. Дорофеевко.
2. Киташева, А. С. Мои воспоминания [о пребывании] в фашистских застенках «СД» и концлагере «Гранки». 1942–1943 гг. 04.01.1967. Рукопись на 30 л. Копия / А. С. Киташева // Личный архив автора.
3. Пахомов, Н. И. Витебское подполье / Н. И. Пахомов, Н. И. Дорофеевко, Н. В. Дорофеевко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Беларусь, 1974. – 223 с.
4. Трудная жизнь и борьба Анны Киташевой / записал А. Подлипский // Народные слова. – 1994. – 31 мая. – С. 1, 3.
5. Франкл, В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере / В. Франкл. – М. : Смысл, 2004. – 173 с.

Гребень Е.А. **МАТЕРИАЛЫ ВИТЕБСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ** **КАК ИСТОЧНИК О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ** **В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ**

В Государственном архиве Витебской области содержится значительный объем документов периода нацистской оккупации Беларуси, среди которых несомненный интерес представляют материалы Витебской городской управы. Делопроизводственные документы, в частности, личные дела предпринимателей являются важным источником по изучению предпринимательской деятельности, которая в условиях нацистского оккупационного режима стала одной из стратегий выживания гражданского населения. Попытаемся проиллюстрировать её на примере работы предприятий общественного питания, торговли и бытового обслуживания г. Витебска.

В условиях нехватки продуктов питания и товаров народного потребления в оккупированном Витебске стали открываться частные предприятия, связанные с удовлетворением повседневных нужд граждан: предприятия общественного питания, комиссионные магазины, парикмахерские, сапожные мастерские и т.д.

В Витебске работало не менее 6 чел. кондитеров-китайцев. Некоторые из них носили китайские имена, другие – христианские имена и китайские фамилии (очевидно, второе поколение иммигрантов). Представители старшего поколения приехали в Витебск из Петрограда. Торговцы реализовывали на Смоленском и Полоцком рынках конфеты-леденцы (петушки) [1]. Согласно акту налогового инспектора от 29.04.1943 г., кондитер осуществлял две варки конфет в неделю. Производство набирало обороты, и, по акту от 7.09.1943 г., кондитер осуществлял 8–10 варок в месяц, расходуя 40 стаканов сахара в месяц, 1 флакон уксусной эссенции, 3 л керосина, белой оберточной бумаги, 25 гр фруктового красителя, итого – 4150 руб. производственных расходов [1, д. 1189, л. 1–9]. Китайские кондитеры уклонялись от оплаты патента и рыночного сбора, игнорировали порядок учета товарооборота [1, д. 1188, л. 8].

Производством и продажей продуктов питания занимались и коренные жители города. 28.07.1942 г. инспектор финансового отдела Витебской городской управы выявил не санкционированное производство и продажу на Смоленском рынке печенья «Безе». Предпринимательница была уведомлена о необходимости получения патента. [2, л. 1–4]. Гражданка, изготавливавшая мороженое, за период с 25.06 по 16.07.1942 г. израсходовала сахара на сумму 1000 руб., молока – 580 руб., ягод – 100 руб., яиц – 1640 руб., ванилина – 100 руб., соли – 920 руб., керосина – 100 руб., льда – 120 руб. На приобретение банок ею было затрачено 50 руб., столько же стоил патент. Чистый доход составил 379 руб. [2, д. 155, л. 3–4].

Иногда предпринимательством занимались женщины-домохозяйки, чьи мужья работали в оккупационных и коллаборационных структурах. Такие семьи, на фоне большинства горожан, были обеспечены намного лучше (учитывая тот факт, что женщины занимались только домашним хозяйством), но и них альтернативный источник дохода был актуален. В июне 1943 г. гражданка (муж служил в полиции) уплатила 100 руб. за патент на изготовление и продажу на базаре картофельных пирожков. Согласно акту проверки реализации товара от 31.08.1943 г., изготавливалось 15 пирожков стоимостью 10 руб. за штуку [2, д. 87, л. 1–4]. Другая гражданка до войны работала в Доме младенца санитаркой, в период оккупации являлась домохозяйкой, муж служил в немецкой организации. Согласно акту проверки реализации товара от 30.08.1943 г., выпеченные утром 40 картофельных пирожков были полностью реализованы к 14.35 по цене

10 руб. за штуку. Доход предпринимательницы за 2-ой квартал 1943 г. составил 1310 руб. [2, д.131, л. 1 – 5].

Для социально уязвимых категорий горожан предпринимательство являлось жизненной необходимостью. Например, вдова пенсионного возраста, имевшая инвалидность (сын находился на фронте), 26.06.1943 г. подала заявление в финансовый отдел управы на получение патента на торговлю табаком. В отличие от женщин-домохозяек, чьи мужья работали в оккупационных структурах, для данной гражданки торговля являлась условием выживания. Табак-самосад продавался на Смоленском рынке по 15 – 30 стаканов по цене 35 – 50 руб. за стакан. Интересно, что, как и многие другие торговцы, гражданка подала заявление на получение патента только после уведомления сотрудника финансового отдела [1, д. 1217, л. 1–6].

Имела место тенденция, когда граждане, подававшие заявки на открытие предприятий общественного питания и торговли продуктами и товарами народного потребления, отмечали в заявлениях и автобиографиях факты репрессий со стороны советской власти. В заявлениях на открытие ремесленных мастерских данная тенденция не прослеживается. Очевидно, для получения разрешения на ведение более доходного в условиях дефицита бизнеса, факт советских репрессий служил весомым аргументом. Например, гражданка, подавшая в сентябре 1942 г. заявление в финотдел о разрешении на открытие ларька по продаже продовольственных товаров на Смоленском рынке, указывала наличие судимости при советской власти [2, д. 142, л. 1–2, 4, 26, 26 об.]. Получившая 18.03.1943 г. разрешение на открытие ларька на Полоцком рынке гражданка указывала в автобиографии, что ее муж был арестован НКВД в 1938 г., а сын работает в фельдкомендатуре [2, д. 94, л. 1–3].

В заявлении и автобиографии жительницы города, желавшей открыть буфет, сообщалось, что отец был расстрелян в 1929 г. за агитацию против коллективизации. До войны гражданка работала бухгалтером, муж был мобилизован в армию, на иждивении находились мать и двое малолетних детей, брат работал в Витебской районной управе. В заявлении указывалось, что открытие буфета – единственный источник получения средств для пропитания. Прейскурант цен буфета, отрытого по Краснобригадной улице, 6, выглядел следующим образом: хлеб, порция 100 гр – 10 руб., молоко кипяченое стакан – 4, молоко кислое стакан – 3, яйца отварные, 1 шт. – 10, винегрет с овощей – 8, масло, 50 гр – 20, оладьи картофельные со сметаной – 20, квас, стакан – 3, творог (100 гр) – 10, бутерброд с маслом – 15. Гражданкой было уплачено 1200 руб. за патент (значительная сумма для одинокой женщины, воспитывающей двоих детей) и произведен ремонт в помещении буфета. Выходной день был установлен в четверг [2, д. 80, л. 1–22].

Документы показывают, что часто открывали торговые предприятия совладельцы. Очевидно, открыть торговое предприятие одному человеку было проблематично. Так, в июле 1942 г. двое граждан открыли буфет на углу ул. Больничной и Суражской. Уже через месяц после открытия, 25.08.1942 г. один из компаньонов был оштрафован на 4000 руб. за продажу без лицензии спиртных напитков и табака в киоске. 3.09.1942 г. финансовый агент произвел опись вещей в квартире оштрафованного. Вещи на сумму 1260 руб. до погашения штрафа, были оставлены гражданину на хранение. В заявлении в ортскомендатуру гражданин сообщал, что 14.08.1942 г. к нему в буфет явился начальник 2-го отделения охраны г. Витебска проверить патент, и в ходе осмотра обнаружил на кухне 1 литр водки и 146 папирос, после чего составил протокол о привлечении к административной ответственности. Гражданин счел постановление не правомерным, поскольку факт торговли запрещенной продукцией не был доказан, заявив, что водку купил, чтобы приобрести дрова, а папиросы курит он и жена, и выразил надежду на внимательное к нему отношение при определении его вины, так отец и 2 брата были репрессированы большевиками в 1936–1937 гг. В дальнейшем работа буфета возобновилась, но между совладельцами начались споры, и в 1943 г. оба ходатайствовали о получении отдельных патентов. 21.05.1943 г. за неведение учета и сокрытие доходов от налогообложения предприниматель был оштрафован на 100 руб. 8.06.1943 г. бывшая компаньонка подала заявление о получении патента на право торговли самостоятельно, требуя права занять то помещение, в котором ранее находилось совместное предприятие. В заявлении она указывала, что пострадала при бомбежке, 6 месяцев пролежала в госпитале, и не имеет средств к существованию [2, д. 82, л. 1–20]. В декабре 1942 г. в Витебске открылся буфет, принадлежавший двум гражданам. Женщина писала в автобиографии, что его отец до 1929 г. имел ресторан и театр, был сослан в Сибирь до 1934 г., а в 1937 г. арестован вновь, она же, как дочь репрессированного, была исключена из училища. Па-

тентный сбор на буфет-закусочную составил 1200 руб., разрешалась реализация продуктов питания, кроме мяса и мясных изделий. Совокупный доход владельцев за 1-е полугодие 1943 г. составил 1890,5 руб. По распоряжению ортскомендатуры с 16.09.1943 г. буфет был закрыт, но 14.10.1943 г. одна из совладельцев получила разрешение на возобновление работы [2, д. 81, л. 1–24 об.].

В апреле 1943 г. было выдано разрешение двум гражданам на открытие комиссионного магазина на Полоцком рынке. Патентный сбор составил 900 руб. Один из совладельцев, уроженец г. Витебска, 1914 г.р., в автобиографии указал наличие 15-летнего стажа работы в сфере торговли. Его компаньон, уроженец г. Брагина, 1902 г.р., сообщил, что в 1931 г. был на 2 года лишен свободы за антисоветские настроения, с момента прихода германской армии и до настоящего времени работал в городской управе, а теперь желает работать в комиссионном магазине. Согласно акту обследования от 5.06.1943 г., в магазине на комиссии находилось 29 наименований мужской и женской одежды и обуви и других товаров (готовальня, венская гармонь, наручные часы) на сумму 48920 руб. Цены на промышленные товары были очень высокими. Женский костюм стоил 2250 руб., платье – 1500 руб., мужские туфли – 500 руб., брюки – 1000 руб., мужское осеннее пальто – 3000 и 9000 руб. и т.д. В обороте находилось 60050 руб. личных средств владельцев; на стройматериалы было затрачено 3050 руб., на инвентарь – 3000 руб. Чистая прибыль за период с 20.04.1943 г. по 1.07.1943 г. составила 8377 руб. Магазин был закрыт согласно постановлению городской управы от 31.07.1943 г. за то, что один из владельцев купил за 200 марок краденое пальто, перепродал его за 300 марок. Гражданин был оштрафован на 1000 руб. и лишен лицензии [2, д. 90, л. 1–21].

На имя бургомистра г. Витебска 19.04.1943 г. поступило заявление двух граждан, ходатайствовавших об открытии на Смоленском рынке буфета по продаже холодных и горячих закусок. Поскольку помещения для буфета не имелось, граждане просили разрешения на постройку помещения площадью 12 м². В автобиографии одного из заявителей (1912 г.р., уроженец Освейского района) сообщал, что имеет образование 2 класса начальной школы, работал на Витебском спиртоводочном заводе, ревизором Полоцкого Окрпотребсоюза до 1937 г. За то, что скрыл факт о судимости отца, был уволен. Далее работал инструктором Витебского Райпотребсоюза до 1941 г., был арестован НКВД, находился в тюрьме в Витебске и Нижнем Новгороде, после освобождения переехал на Северный Кавказ, а после оккупации северокавказского региона вернулся в Витебск. Сообщалось также об аресте и расстреле НКВД его швагера и двух дядей как врагов народа. Его компаньон, 1898 г.р., уроженец Орловской области, до 1917 г. работал письмоводителем, потом служил в российской армии (императорской и Временного правительства), Красной Армии. В 1929 г. был осужден в Витебске за антикоммунистическую агитацию (5 лет тюрьмы), после тюремного заключения работал ревизором Витебской районной Потребкооперации. Как видно, биографии заявителей учтроили администрацию, разрешение было получено, стоимость патентного сбора составила 800 руб. Буфет-столовая открылся 16 мая 1943 г. Буфет был закрыт по распоряжению ортскомендатуры 16.09.1943 г., причина из личного дела предпринимателей не ясна [2, д. 78, л. 1–15].

21.06.1943 г. был открыт ларек по продаже мелких галантерейных товаров, принадлежавший родственникам (брату и сестре). Совместный капитал составлял 2000 руб. По состоянию на 16.09.1943 г. там продавалась краска в пакетах, сапожная мазь, свечи, махорка, бусы, гребни, карты игральные, брошка, всего товара на 480 руб. [2, д. 149, л. 1–4].

Бытовые нужды населения удовлетворяли различные мастерские. Осенью – зимой 1941 г. в Витебске работала игольно-пуговичная мастерская. Изготавливались брючные пуговицы, иглы и иглы для патефонов. Продукция реализовывалась через комиссионный магазин и торговый отдел городской управы [2, д. 178]. В 1941–1942 гг. в Витебске были зарегистрированы мастерские по производству матрацев, слесарная, шорная, сапожная, портняжная мастерские, мастерские по производству галош, валенок, прялок [2, д. 174, 35, 171, 169 и др.; 1, д. 1019]. Помимо частных предприятий, в 1942 г. действовала швейная мастерская при Белорусском народном доме [1, д. 241, л. 1, 2].

Одна из частных портняжных мастерских начала работу 10.07.1942 г. Владелица не привлекала наемных рабочих, осуществляла пошив и ремонт дамских платьев, блузок и юбок из материала заказчика. В среднем в месяц обслуживалось 6–7 человек [2, д. 133, л. 1–5 об.]. В городе действовало несколько частных парикмахерских. Одна из них обслуживала исключительно

немцев. Патент был выдан 21.02.1942 г. На иждивении владелицы находились трое детей и мать. В парикмахерской работали 5 мастеров, уборщица, прачка, бухгалтер и кассир. Парфюмерия закупалась на рынке. Бритье бороды стоило 3 руб., стрижка головы – 5 руб., мытье головы – 4 руб. Обозначенная в финансовых документах низкая прибыль парикмахерской (за 1-е полугодие 1942 г. – 364,95 руб.) объяснялась предпринимательницей несоответствием существующей таксы реальной себестоимости, перерывами в работе на 2 – 3 недели в результате бомбежки, расходами на ремонт помещения, сильными морозами (до 35 С) и тем, что, в целях лучшего обслуживания немецких военнослужащих, были затрачены большие средства на оборудование, белье и инвентарь. Финансовое состояние парикмахерской, действительно, было сложным, за 1942 г. накопилась задолженность по уплате налога в значительную сумму 4600 руб. Владелица ходатайствовала об отсрочке уплаты налога. Не улучшилось оно и в 1943 г., и 29.03.1943 г. налоговый инспектор даже произвел опись имущества парикмахерской. Тем не менее, парикмахерская продолжала работу как минимум до августа 1943 г.; было разрешено оплатить задолженность в два приема по 2300 руб. 5 марта и 5 мая 1943 г. [2, д. 145, л. 1–24 об.].

Таким образом, документы Витебской городской управы являются важным источником по изучению военной повседневности. С одной стороны, они показывают, что в условиях войны удовлетворение потребностей граждан было монополизировано частными предпринимателями. Предприятия открывались в тех отраслях, услуги которых были наиболее востребованы населением. Наиболее доходным занятием являлась торговля. Интересны эти документы и тем, что показывают стратегию поведения граждан в условиях оккупации. Все пытались обмануть власти. Многие для получения желаемого разрешения, особенно в сфере торговли, подчеркивали свои проблемы с советской властью в предвоенный период (судимости в довоенный период или репрессированных советской властью родственников).

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 1186.
2. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 151.

Кулинок С.В. **ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ РАЗОБЛАЧЕННЫХ АГЕНТОВ** **КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА БШПД)**

Одним из малоизученных и информативных источников по истории партизанской разведки и Великой Отечественной войны являются протоколы допросов. В процессе оперативной, боевой и контрразведывательной деятельности в партизанские соединения достаточно регулярно попадали захваченные военные и гражданские пленные, а также разоблаченные немецкие агенты и пособники, которые являлись ценнейшим источником получения разведывательных данных. Именно в процессе проведения допросов партизаны получали необходимую им информацию. Контингент допрашиваемых достаточно широк: пленные солдаты и офицеры, представители гражданских и военных оккупационных властей и коллаборационистов, разоблаченные агенты, сотрудники немецких спецслужб, гражданские лица, находящиеся под подозрением и др. Автор изучил более 80 протоколов допросов и исходя из того, кого опрашивают, выделил некоторые виды разведывательных данных:

- военные: состав, структура, вооружение, командный состав, задачи воинских частей и подразделений, а также военных соединений коллаборационистов, состояние гарнизонов и укреплений (как правило, их сообщали солдаты и офицеры, полицейские, военные пособники, захваченные в плен);
- экономические: состояние сельского хозяйства, промышленности, инфраструктуры, налогообложение, деятельность военно-хозяйственных органов и организаций (от пленных старост, бургомистров, сотрудников хозяйственных служб);
- политические: деятельность гражданских коллаборационистских организаций и союзов, пропагандистская и агитационная деятельность на оккупированной территории (от захваченных руководящих сотрудников, гражданской администрации, активистов);
- контрразведывательные: деятельность немецких спецслужб, разведывательно-диверсионных и шпионских школ, выявление изменников, предателей и немецких пособников (от пленных сотрудников немецких разведывательных органов и разоблаченных агентов).

Именно протоколы допросов разоблаченных агентов будут рассмотрены автором в данной работе. Первые разведывательно-диверсионные школы, готовившие агентов для засылки в тыл